

УДК 82

Т.Е. ЖУКОВА

ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА В. МАКСИМОВА «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ»

В. МАКСИМОВ ПРИНАДЛЕЖИТ К ЧИСЛУ ПИСАТЕЛЕЙ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1970-Е ГГ.), К ПОКОЛЕНИЮ, УМЕЮЩЕМУ, ПО ЕГО СЛОВАМ, «ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ» В «ЗАСТОЙНЫЕ» ВРЕМЕНА ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ И ОДОБРЕНИЯ.

Творчество В. Максимова несомненно эволюционно и нуждается в периодизации. Максимов вошел в советскую литературу как самобытный русский писатель-реалист. Лев Аннинский в рецензии на книгу «Мы обживаем землю» подчеркивал самобытность стиля писателя: «Максимов – это жесткий, почти исступленный исследователь мятущейся души... Его герои сходятся на случайных перепутьях, тоскливо смотрят в глаза друг другу: «Эх, не вышло разговора!» Жажда разговора, того самого, «русского спора», где все до дна, – вот их главная жажда» [1].

Поиски истины и правды не только в творчестве, но и в действительности, переосмысление фактов истории страны – все это влияло на убеждения писателя, который в дальнейшем будет называть себя «христианским монархистом» [2] и претворять в произведениях свою мечту: возвращение к нравственным истокам «Православию, некоему единоначалию. Вместе с тем он считал, что писатель должен находиться в оппозиции к власти: «Мне, наверное, будет неудобно при самой идеальной власти... Я подчиняться не умею!» [2].

Эволюция убеждений и взглядов Максимова не могла не повлиять на выбор художественного метода писателя: от реализма к синтетизму. Идея «синтетического искусства», принадлежащая Е. Замятину, понимается как творческий сплав реализма и символизма, уводящий литературу от бытоописательства к художественной философии. Тенденция к синтетизму, зародившаяся в 1940-е гг., определила в дальнейшем перспективу развития русской литературы (М. Булгаков, А. Платонов, Л. Леонов) и современной (В. Аксенов, В. Маканин, В. Искандер). Синтетическим характером отличается и жанрово-стилистическая система В. Максимова, прослеживаемая, в частности, в романе «Ковчег для незваных».

Так, с одной стороны, тяга к исторической правде, документированность, разработка характеров и психологии героев говорят о реалистическом стиле писателя. С другой стороны, введение в текст внесюжетных реминисценций (сны героев, христианская парадигма), имеющих глубокий символический смысл, есть стремление Максимова синтезировать *исторический роман со сказкой, притчей, письмом, трагедией, памфлетом*, что, безусловно, составляет трудность в определении жанра «Ковчег для незваных». Выбором формы (синтез жанров) объясняется и своеобразие композиции этого произведения.

Действие романа «Ковчег для незваных» происходит в послевоенное сталинское время. На первый взгляд, это роман о становлении Советской власти на Курильских островах, о тех, чьи судьбы пересеклись в этом суровом крае. Но однозначно определить тематику романа сложно, так как в ней несколько планов, сюжетных линий, которые взаимосвязаны общей авторской идеей, заявленной уже в эпиграфе: «Ибо много званых, а мало избранных».

На первом плане – судьба Федора Самохина, молодого фронтовика, вернувшегося после войны на свою тульскую землю. Но нет у него тяги к земле (а ведь эту землю защищал от фашистов!), как нет ее и у односельчан. «Народ бежал земли, как мора, стихийной беды, Божьего наказания. Земля сделалась обузой для человека, его несчастьем и проклятием. Земля только обязывала, не давая взамен ничего, кроме забот, налогов и каждодневного страха» [3, с. 9]. Так с присущей писателю прямоотой Максимов ставит одну из главных проблем романа – отлучение человека от земли, утрата связи с родной землей как символом опоры, твердости и благополучия. Автор анализирует причины этого явления: оскудение земли началось в то время, когда тысячи крестьян хлынули в город, к станку, в поисках «веселой жизни» и «легкой копейки». В этом смысле (судьба русской деревни) Максимов переключается с Буниным («Деревня») и Есениным («Жеребенок»).

С другой стороны, любовь к земле вытравляла сама власть насильственной коллективизацией и раскулачиванием («Три Великих голодухи»). Причину краха России, морального разложения русского народа Максимов видит в утрате веры: *утрачена святость земли, утрачено отношение к земле как к данному Богом богатству*. Эта боль автора – отлучение от земли, от корней – звучит на протяжении всего романа. Однако, как изображает автор, обживать чужую землю (Курилы) не так-то просто. И что примечательно: бросив свою землю, «завербованные» люди приехали на землю чужую, уже обжитую

другим народом – японцами. Разорив свое, разоряют чужое (распоряжение Пекарева сносить японские постройки) – это варварское отношение к земле автор подчеркивает особо.

Второй план романа – взаимоотношение народа и власти. Проблема народа и власти – традиционная в русской классической литературе (А.С. Пушкин «Борис Годунов»). Максимов анализирует эту проблему как историк и психолог. Он рисует образ Сталина, показывает его окружение. У Максимова Сталин – хитрый тиран, получающий удовольствие при виде мучений своей жертвы (Краснов, Шкуро, Серго Навтарадзе), но и человек, которому не чуждо все человеческое. Через внутренние монологи Сталина автор раскрывает факты личной жизни героя, его сомнения, физические мучения, но нигде не говорит о мучениях его совести, и в этом – авторская неприязнь к герою.

Следующая проблема также традиционна – проблема личного человеческого счастья. Автор создает несколько любовных коллизий. Образы женщин, нарисованные Максимовым без прикрас, вызывают у читателя уважение за их страдания (это и Мария, молившая Хохлушкина, и Полина, насильно разлученная с любимым, и бабка Аграфена, нашедшая приют в чужой земле, и Люба, грешница).

Через призму любовных взаимоотношений автор «проверяет» героинь и создает обобщенный образ русской женщины, прошедшей через испытания, греховной, но чистой в своих помыслах, верной своей любви.

В реалистический пласт романа автор вводит наполненные символическим содержанием внесюжетные реминисценции, которые помогают понять авторскую идею романа. Так, «безумный путь людей» по песчаному царству во главе со Старцем ассоциируется в сознании читателя, с одной стороны, с хождением Христа в пустыне, а с другой – с образом Сталина, ведущего за собой «ослепших» людей, свято поверивших своему Учителю. На материале христианских аналогий автор разрешает одну из главных проблем романа: утрата человеком истинных нравственных ценностей, связанная с отлучением от Бога, от христианских заповедей. Спаситься в океане ненависти и беззакония, греховности, по мнению автора суждено не всем, а лишь «избранным» – людям с чистыми помыслами, которые так или иначе приведут к Христу, будут жить по его законам, сохраняя и преумножая все человеческое. Не случайно остаются в живых в бездне стихии Федор и Люба, внутри которой зарождается новая жизнь. В этом – глубоко оптимистичный взгляд писателя на будущее России, вера в возвращение человека к своим корням и в духовное возрождение русской души. (Эта авторская мысль отражена также в переписке братьев Загладиных).

Так разрешает автор проблему человеческого бытия на земле.

Таким образом, в своем романе В. Максимов ставит как традиционные для русской литературы проблемы, так и современные автору и его времени: несвобода человека, хрупкость человеческого бытия, нравственное разложение как результат устрашающей политики 30 – 50-х гг. XX в., и должны пройти годы, нужно новое потрясение – стихия, чтобы народ прозрел. В этом Максимов видел свою задачу как художника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Пугач А.В. гостях у «Континента» // «Юность». П. 12, 1989. С. 80.
- 2 Щуплов А.Я – христианский монархист... // Независимая газета. 1994, декабрь.
- 3 В. Максимов. Ковчег для незваных // Собр. сочин. В 8 т. Т. 6. М.: Терра, 1992.